

УДК 316.722:321

ДОМИНАНТА КУЛЬТУРНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ КАК НОРМА СОСУЩЕСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВ-КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

Кокаревич Мария Николаевна,
kokarevich@mail.ru

Томский государственный архитектурно-строительный университет,
Россия, 634003, г. Томск, пл. Соляная, 2

Кокаревич Мария Николаевна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и истории Томского государственного архитектурно-строительного университета.

Актуальность. Благополучие современного общества предполагает формирование вектора толерантности в культурно-историческом пространстве. Глобализационные процессы в современном культурном пространстве несут идею унифицирующего утверждения принципов культурного индивидуализма американского культурно-государственного образования. Такой вызов генерирует противодействие, которое воплощается зачастую в конфликтных формах, что актуализирует поиск механизмов комплементарного сосуществования государств-культур. **Цель** – показать нерелевантность идеи культурного индивидуализма сосуществованию государств-культур в современную эпоху и актуализацию доминанты культурной индивидуальности как принципа сосуществования государств-культур. **Методология:** историко-культурный и историко-философский подходы, методология интерпретации и реконструкции культурных явлений как актуализаций ментального ядра этой культуры. **По результатам исследования** установлено, что культура становится не просто имманентным аспектом всякого государственного образования, но детерминантой государственной и экономической политики в современную эпоху, что означает становление феномена «государство-культура». При этом доминанта собственного достоинства, присутствующая каждой культуре, принимает форму либо культурной индивидуальности, либо культурного индивидуализма, что свойственно, в частности, американскому культурно-государственному образованию. Если принцип культурной индивидуальности предполагает утверждение принципов неповторимости, уникальности и самоценности собственного культурного «Я», то культурный индивидуализм – формирование представления о собственной исключительности и гегемонии. **Вывод:** комплементарное взаимодействие и сосуществование государств-культур возможно только при условии актуализации доминанты культурной индивидуальности каждого культурно-государственного образования.

Ключевые слова: Государство-культура, культурная индивидуальность, культурный индивидуализм, ментальное ядро культуры, доминанта собственного достоинства.

В современном социуме сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, глобализационные процессы, объективируясь во все более расширяющемся и углубляющемся взаимодействии культур, государств, становятся аргументом для усмотрения синтезирующих тенденций в обществе, утверждения приоритета ценностей «унифицирующей» культуры, каковой признается, например, американская. С другой стороны, феномен сужения мира, постоянного взаимодействия во всех сферах общества на уровне индивидов, групп, государственных образований приводит к реакции, обратной мегасинтезу, – к укреплению национального самосознания, самоидентификации культуры, что влечет усиление противостояния культур, государств. Это обстоятельство подтверждается конфронтационными реалиями современной культурно-исторической картины мира. Тем самым актуализируется задача нивелирования принципов *contra* при

взаимодействии культур и государств, которые воплощаются в формах, субъективно оцениваемых как конфликт, угроза национальной идентичности.

Отметим также, что отношения по принципу *contra* при взаимодействии культур и государств становятся все более масштабными. Примерами таких отношений являются факты религиозного терроризма шиитов по отношению к суннитам и наоборот, уничтожения статуй Будды талибами в афганской провинции Бомиан, многочисленные акты террора и геноцида в Сирии, на Донбассе. Различные конфликты современности в таких государствах, как Ирак, Сирия, Украина, показывают усиление культурной составляющей в межгосударственных отношениях. Глобализация в настоящее время казалась безоговорочной. Однако в современном мире, мире конфронтации между США и Россией, выясняется, что у глобальных корпораций есть отечество с его доминантой национального достоинства. И если государство, как главный носитель такой доминанты, отдает распоряжение бизнесу, то последний, как, например, «Макдоналдс», в ситуации конфронтации Америки и России вынужден подчиниться. Здесь экономическая выгода уступает место определенным образом понимаемому национальному достоинству, рассматривается как условие сохранения доминанты национального самосознания.

Увеличивается дефицит этнической толерантности в отношениях между индивидами и народами, доказательством чего становятся языковые конфликты в постсоветском пространстве. Реальность межэтнического сосуществования в Западной Европе показывают неадекватность модели мультикультурализма с ее акцентом на обязательное признание и уважение титульной нации. Этот и многие другие примеры актуализируют проблемы места культуры в конкретном социогосударственном образовании. Понимание роли культурного контекста в межгосударственных взаимоотношениях позволит эксплицировать и модель комплементарных взаимоотношений на уровне культур, государств, субкультур, индивидов.

Действительно, в настоящее время особенно отчетливо усматривается повышение роли культурной составляющей в социально-политическом взаимодействии социально-государственных сообществ. В настоящем конфликте России с Украиной, Западом, США четко усматривается цель сохранения своих культурных ценностей, национальных интересов, самого факта существования русских как носителей православной культуры, собственной национальной идентичности. При этом подчеркивается, что Россия не впервые сталкивается с проблемой отстаивания своих культурных ценностей. Несомненно, для России – это ценности православия.

Говоря о политической деятельности Александра Невского, мы подчеркиваем приоритет культурной, православной составляющей в его политических переговорах, военных кампаниях. Защита православия, православной культуры была ведущим вектором всех его деяний. Отсюда невозможность союза с Западом на условиях принятия католичества и отмены своей веры. Его союз с Золотой Ордой был обусловлен тем, татаро-монголы относились с уважением к православной вере. Это подтверждается тем, что хан Батый дал охранную грамоту русской православной церкви. Известно, что православная церковь в монгольский период была настолько свободной, что имела возможность осуществлять не только духовную, но и политическую деятельность, способствуя объединению разрозненных русских княжеств. Неслучайно самым распространенным видом колонизации была монастырская колонизация, когда монахи шли в пустынные места строили монастыри (в XIV в. были построены 42 монастыря, в XV – 57, в XVI – 51), вокруг которых строились поселения (городок Москва), монахи транслировали православный образ жизни, выстраивая православный мир.

В современных диспутах о национальной идее зачастую на второй план отходит понимание нашей культуры как православной по своей сути. Именно православие стало той культурной матрицей, которая, во-первых, вобрала в себя многие племена и народы и образовала новый русский этнос. Во-вторых, именно православие стало объединяющей силой, собравшей все удельные княжества постепенно распадающейся Киевской Руси в новое Московское княжество. В-третьих, православие определило ценностные установки, характер русского народа с присущими ему абсолютно прочитанными ценностями доброты, аскетизма, соборности, всей системой нравственности.

Тем самым государство, преследуя цель благополучного существования и развития общества, всегда направляется культурными смыслами, которые аккумулирует религиозное сознание этноса. Поэтому защита своей религии всегда совпадает с идеей упрочения национального достоинства и самоутверждения. Роль религиозного контекста как аккумулятора всей полноты культурных смыслов настолько велика в определенные этапы эволюции какой-либо культурно-исторической общности, что можно говорить о конструкте «государство–культура».

В такой целостности осуществление государственных, политических функций происходит при доминировании, например, церкви в Древнем Египте. Египетский фараон всегда в одном лице выступал как законодатель, глава исполнительной власти, верховный жрец, глава армии, организатор экономической жизни. Реализация всех этих функций была предопределена божественным происхождением фараона. Божественный статус определял верность, правильность всех его распоряжений. Такой статус предполагал точность в исполнении храмовых ритуалов, поддержание храмов и святилищ в подобающем виде. Лишь тогда, когда подобные функции не выполнялись, «все шло прахом» [1, с. 192].

Кажется, что при декларировании отделения церкви от государства в современном мире мы имеем дело с двумя отдельными самостоятельными структурами: религия и государство, церковь и государство, культура и государство. Однако при рассмотрении генезиса и функционирования государственных образований Запада становится очевидной их имманентность протестантским религиям. Протестантизм, возникая как актуализация идей гуманизма и индивидуальности, постулирует определенную самостоятельность человека от церкви, утверждая, что каждый должен прийти к Богу сам, через книги Священного Писания, а также каждый человек в соответствии с оправданием земных, естественных потребностей в материальных благах, в славе должен активно заниматься хозяйственной, торговой деятельностью. Именно в этом предназначение человека через призму протестантской этики.

Тем самым современный европеец-протестант получает божье благословение на активную экономическую деятельность, на расширение и интенсификацию политического влияния. Государство в таком случае видит свою основную функцию в создании условий для активной экономической деятельности каждого своего гражданина, для реализации такой внутренней и внешней политики, которая бы способствовала обогащению, утверждению своего влияния, своих ценностей.

Стоит сравнить в экономическом аспекте протестантские Германию, США и католические государства (Италия, Португалия), чтобы увидеть определяющую роль протестантизма в прогрессивном развитии имманентных экономик. Нацеленность протестантизма на формирование активного, самостоятельного гражданина приводит к его возвышению и даже уравниванию с Богом. Бог становится старшим товарищем. Неудивительно, что в протестантских государствах возникает эвтаназия, где на первом плане человек с его глубинными потребностями, даже желанием смерти в безысходной

для него ситуации. Оппозиция католических, православных социальных сообществ заключается как раз в невозможности отхода от абсолютных христианских ценностей, заданных Богом, как бы тяжело человеку не было.

Тем самым не только государство, но и все сферы социальной жизни детерминированы религией, идеей Бога. Аргументом данного феномена может служить рассуждение Х.-Г. Гадамера: «Достаточно лишь вспомнить значение и историю понятия светскости: светское повергается перед святыней. Понятие светского, непосвященного (профана) и производное понятие профанации, следовательно, всегда предполагает наличие священного» [2, с. 198]. Иначе говоря, все светские формирования, виды деятельности с необходимостью оказываются религиозно, культурно нагруженными. Процесс их включения в общественную жизнь предполагает явную, а чаще имплицитную наполненность культурно-религиозными смыслами и ценностями. Идея государственной власти оказывается освященной идеей Бога. «С нами Бог» – так начинаются и заканчиваются торжественные речи президентов западноевропейской и дочерней американской культуры.

В современном общественном пространстве не только государственная, но практически все виды деятельности (проектирование и строительство, парламентские ассамблеи и т. п.) становятся как бы самостоятельными, лишенными культурно-религиозного контекста. Однако детерминирование религиозными и культурными смыслами остается в рудиментном виде и выражается посредством традиции закладки первого камня, исполнением гимна и т. д. Имплицитное детерминирование, как правило, осуществляется на уровне частного, т.е. в конкретной деятельности. В таком случае культурно-религиозная компонента является необходимым аспектом этой деятельности и воплощается в смыслополагании, задающим цель, и в самоидентификации субъекта деятельности как носителя служения смыслам и ценностям Добра, Красоты, Истины.

Иллюстрацией доминирования культурным контекстом деятельности человека, социогосударственных структур можно считать выводы М. Элиаде [3], Б. Малиновского [4] и ряда других культурологов. После исследований М. Элиаде в философском дискурсе утвердилась идея о доминировании культурного контекста во всех сферах организации социальной жизни, начиная с первобытного общества. Даже прием пищи и т. п. оказывались формой приобщения к богу как проявление священного, т. е. иерофанией. Иерофанией оказывается процесс освоения территории, поскольку начинается с возведения жертвенника (в ведической культуре – Агни) или осуществляется во имя Христа (колонизация Америки). Мир оказывается миром для человека постольку, поскольку человек, его созидаящий, уподобляется Богу, Демиургу, творящему мир. Даже миниатюрные сады, которые китайцы выстраивают в плоских формах, изначально рассматривались не как реализация только эстетического, но и религиозного контекста, т. к. символизировали Вселенную.

Неиерофанией можно считать возведение жилых строений в новой рациональной архитектуре в соответствии с принципом Ле Корбюзье «Дом – машина для жилья» [5]. Возможно, поэтому созданная по такому принципу архитектурная среда уже к семидесятым годам прошлого столетия была оценена как негуманная, недостойная человека. Следовательно, любая социальная структура, любое созидание становятся подлинно человеческими, поскольку освящены религией, реализуют культурные смыслы. Тем самым становление каждого социального феномена невозможно без детерминации культурным контекстом, что доказывает правомерность и концепта «государство-культура».

Утверждение феномена «государство-культура» предполагает дальнейшую экспликацию роли и места культуры в функционировании данного социального феномена. Подобная экспликация базируется на формировании модели существования и эволюции культуры в целом, модели структурной организации каждой культуры.

Действительно, в современном культур-философском дискурсе утверждается представление о том, что культура представляет собой сосуществование самостоятельных, открытых к взаимодействию качественно-своеобразных культур. При этом каждая культура представляет собой систему, единство своих структурных элементов, сфер. Такое единство, задающее качественное своеобразие, обусловлено тем, что каждый структурный элемент определенной культуры (государство, архитектура, образ жизни и т. п.) является воплощением ментальных детерминант, базовых доминант, самоидентифицирующих данную культуру [6].

Отметим, что в философии существует множество концептов – коррелятов понятия «ментальные детерминанты культуры». Таковыми являются «прасимвол» О. Шпенглера [7], «стиль» А. Кребера [8], «гено-текст» Ю. Кристевой [9], «внутренняя форма» Г.С. Кнабе [10], «культурная матрица» В.А. Светлова [11], Кравченко [12], Карасика [13], А.Н. Архангельского [14]. Факт наличия множества коррелятов для обозначения одной и той же сущности, а именно наличия базисного уровня в той или иной культуре, или ее парадигмального ядра, обеспечивающего качественное своеобразие, самоидентичность данного культурного образования, может рассматриваться как дополнительный аргумент для обоснования релевантности данных концептов реалиям существования и эволюции культуры, человечества в целом.

Базисным доминантам присуща интенция на перманентное самоутверждение, самовосстановление своей культуры. Эта интенция кристаллизуется в эпоху глобализации, эпоху растворения культур в процессах унификации. Аналогично тому, как на вызов становления феномена массового человека, «человека-массы» экзистенциализм формулирует ответ, призыв на укрепление собственной экзистенции, собственного «Я», собственных смыслов существования и развития, формируется и глубинная социальная потребность в кристаллизации каждой культурой собственного «Я». Из глубин культуры поднимается воля к самоутверждению, жажда кристаллизации собственной системы ментальных доминант, которая не терпит никакой цели за пределами себя самой [15]. Таким образом, ментальные доминанты культуры образуют то онтологическое основание, систему субстанциональных и генетических первоначал, которые становятся источником «вечного возвращения» к своим базисным доминантам и перманентного становления новых культурных форм, восстанавливающих и кристаллизующих актом своего рождения данные доминанты. Воля к самоутверждению пронизывает самосознание культуры, поддерживает его актуальность, уточняет его, создавая свой неповторимый культурный мир.

Так, присущее Японии, японской культуре глубинное единство человека и природы нацеливает государство-культуру на поддержание таких культурных форм, как хокку, танка, в которых все человеческие переживания описываются языком природы (тоска и слезы превращаются в образ: «У моего жилища на деревьях от долгого дождя на нижних листьях даже цвет переменялся»), кружков обучения искусству икэбаны, генезису метаболизма в современном строительстве (принимается государственная программа по сохранению башен Курокавы), утверждению выходных по поводу цветения сакуры, множества праздников, цель которых в любовании и слиянии с природой. Столь бережное отношение, культивируемое государством, предопределяет образ места и значения доминанты единства человека и природы как ветки бамбука, закованной

в стальную оболочку и только сверху обернутую ярким целлофаном – современными технологиями, небоскребами и т. п.

Особое место в системе ментальных доминант каждого «государства-культуры» занимает доминанта собственного достоинства. Данная доминанта всегда находится в фокусе внутренней и внешней политики любого государства, которое предпринимает значительные усилия в политическом поле для самоутверждения, признания своего статуса как самостоятельного, независимого, имеющего свой собственный голос государства. В другом случае доминанта собственного достоинства заставляет бороться за государственность (курды в современном мире).

Ментальная доминанта собственного достоинства существует в двух формах – в форме культурной индивидуальности и форме культурного индивидуализма. Понятие культурной индивидуальности означает признание собственной неповторимости, ценности. Утверждение собственной самооценности в контексте культурной индивидуальности предполагает признание других культур как аналогичных себе, как существующих не за счет другого государства-культуры, а наряду с ним.

Неудивительно, что Дэн Сяопин призывал соотечественников никогда не претендовать на роль лидера среди мировых держав, решая проблемы собственного национального обновления, утверждения собственной культурной индивидуальности: «Хладнокровно наблюдайте, укрепляйте положение страны; спокойно занимайтесь делами; скрывайте наши возможности и выжидайте; держитесь в тени и никогда не покушайтесь на лидерство» [16, с. 125]. Возможно, поэтому в современном политическом пространстве Китай, Россия отстаивают свое право на признание равного статуса с США, с Западной Европой.

Примером государства-культуры с доминантой культурной индивидуальности является и Япония. Доминанта культурной индивидуальности в этой стране существует в форме глубокой убежденности в наличии иерархии государств, среди которых Япония должна занимать ведущее место. Во время Второй мировой войны она пыталась занять высшую ступень в иерархии государств в соответствии с определенным пониманием доминанты национального достоинства посредством оружия. Потерпев поражение, Япония, ту же задачу стала решать через достижение высочайшего экономического статуса. Это стало возможным благодаря доминированию в культурном контексте религиозности, что проявляется в освящении всех социальных начинаний, например в конфуцианской сакрализации и ритуализации семейных отношений, отношений в рамках коллектива. Посюстороннее существование трансцендентальных религиозных идеалов имплицитно содержит идею священства власти, что ведет к культу императора. Поэтому оккупация Японии войсками США сопровождалась обращением к императору за покровительством. Когда император выступил с обращением к народу и призвал к миру, то тем самым он низвел враждебность японцев к минимуму.

Другой аспект ведущей роли религиозного контекста в государстве-культуре предопределяет ситуативность японской культуры. Действительно, базисные принципы синтоизма, дзен-буддизма, формирующие религиозный контекст, ориентируют на ситуацию. Любое становление отождествляется с реально существующим, а реальное существующее становится вечно длящимся сейчас. Воплощением такого доминирования становится этический релятивизм. Дзенская норма гласит: «Встретишь будду, убей будду. Встретишь патриарха, убей патриарха». Аналогично послевоенное положение Японии в соответствии с доминантой ситуативности сгенерировало оценку данной ситуации как поля возможного самоутверждения в ряду других государств-культур в экономическом пространстве. Ситуативность предопределила активное восприятие евро-

пейских технологий, способов организации экономики, однако в границах, задаваемых доминантой коллективизма в противовес американскому индивидуализму.

России, по высказыванию И. Ильина, свойственно колеблющееся национальное самосознание [17]. Действительно, воля к утверждению доминанты национального достоинства проявляется только во времена опасности, когда России как государству-культуре грозит унижение и даже уничтожение. Несомненно, эта воля заставила Александра Невского отстаивать православную государственность. Воля к утверждению доминанты национального достоинства определила перенос митрополичьей кафедры из Владимира в Москву Иваном Калитой, который считал, что политическое объединение нельзя осуществить без церковного благословения, поскольку народ ощущал себя единым в силу своей православности, принадлежности к православной церкви. Этот перенос повысил доверие народа к московскому князю и княжеству, способствовал возвышению Москвы как политического центра, что было следствием превращения Москвы в религиозный центр.

Далее из волн кристаллизации доминанты национального достоинства можно упомянуть славянофильское движение как ответ на горячее западничество П.Я. Чадаева. Славянофильство возвысило соборность как главную православную ценность, соборность как единение людей на основе любви к Богу, к божьей правде. Именно соборностью можно объяснить возможность существования многонационального русского государства в виде империи, СССР, современной России. В самом термине «русские» заключена идея собирания многих народов в единое государство, силу которого обеспечивала религиозно воспринятая идея единства, соборности на основе предельного понимания самостоятельности других культур в пространстве русской соборности.

Яркое возвышение доминанты национального достоинства приходится и на последние десятилетия XIX в., когда Н.Я. Данилевский отчетливо и громко заявил об особенностях и самостоятельности России как государства-культуры, о неверности постоянного повторения европейцами тезиса о вековой отсталости России и вообще сравнении нас с Западом. Нет единой культуры, нет единого пути развития, есть отдельные культуры, культурно-исторические типы с собственным путем эволюции [18]. Такое утверждение доминанты национального достоинства становится началом разрушения теоретического европоцентризма с его представлением об едином, однонаправленном пути эволюции всего человечества по ступеням развития техники, науки и демократии. Действительно, система ментальных доминант определяет направление и критерии развития, но только в западноевропейской культуре наука, техника, демократия столь значимы, что именно с ними оказывается связанным развитие всего человечества, по убеждению европейских философов. Однако данная точка зрения из области теории так и не переходит до сих пор и повсеместно в область международной политики, где России зачастую отводится подчиненное место.

Присущая нам доминанта культурной индивидуальности, обозначения своей самостоятельности, самоценности среди других держав заставляет нас в настоящее время быть против стремления НАТО к расширению своих границ, способствует формулировке доводов России о невозможности укреплять безопасность одного государства за счет другого, невозможности перехода за некоторые «красные линии», высказываться против содействия США ограничению места и роли России в современной политической и экономической сфере, эксплицировать решения и действия коллективного Запада как современный вызов для нашего самосознания, для нашей идентичности. Данные вызовы самому существованию России также еще в большей степени актуализируют волю на кристаллизацию доминанты собственного достоинства современного россий-

ского государства-культуры, что выливается в стремление самоутверждения не только экономическими, но и военно-политическими средствами.

Ментальная доминанта собственного достоинства в форме культурного индивидуализма, напротив, предполагает не только самоощущение собственной неповторимости и ценности, но и веру в собственную исключительность, право диктовать свою волю, рассматривать свои интересы как единственно значимые и в обязательном порядке реализуемые за счет интересов других государств-культур. Именно культурный индивидуализм рождает уже в ранней европейской рефлексии образ иного как не равного, а как чужого. В лексическом дискурсе XII в. такая семантическая оппозиция всегда эмоционально негативно окрашена: мусульмане – *canes immundi, gens impia* (нечестивый народ), христиане – *laudabilis populus* (достославный народ).

В современную эпоху культурный индивидуализм запада, США принимает иные формы. Исключительная ценность западного либерализма, американского образа жизни, демократических форм устройства государства генерирует идеи типа конца истории, согласно которым Запад создал образцы, которые остальным государствам следует принять, к которым следует стремиться [19]. Культурный индивидуализм воплощается в каждой речи президентов США, теоретиков, утверждающих, что Бог благословил Америку трижды – в настоящем, в прошлом и в будущем. Эти благословения – свобода, равенство и братство. Поэтому США – держава-гегемон. Следствие и источник гегемонии – процветание. Процветание с необходимостью определяет статус США как лидера мирового развития, задающего модель благополучного существования и векторы развития всех государств-культур [20].

Несмотря на то, что И. Валлерстайн указывает на предел политической реализации данной доктрины – 1990 г., однако практика взаимодействия государств-культур показывает неизменность культурного индивидуализма как ментальной доминанты западной и американской культур. Остается образ себя у США как о незаменимой глобальной державе. Когда З. Бжезинский задается вопросом, не отберет ли Китай у США ведущую роль на мировой арене к 2025 г., то поиск ответа для него происходит в контексте американского индивидуализма, который воплощается в возведении в статус абсолютных ценностей потребительства, либеральной демократии, либерализма, своей модели социального благополучия. Вместе с тем даже этого теоретика американской исключительности культурно-историческая реальность современности заставляет делать вывод о могуществе его державы при условии ее исторической грамотности в своих отношениях с Востоком. Историческая грамотность видится в тезисе о том, что странами, как и людьми, движут наследственные склонности (традиционные геополитические предрасположенности и собственное понимание истории) [21].

Тем самым косвенно признается необходимость перехода на принципы культурной индивидуальности в отношениях с сообществом государств-культур. Этот тезис подтверждается реалиями современности. Очевидно, что волна кристаллизации доминанты собственного достоинства в форме культурной индивидуальности нарастает и как противодействие глобализации, как оппозиция культурному индивидуализму коллективного Запада и США. Последнее предполагает формирование взаимоотношений государств-культур на принципах равновеликости, приоритета культурной индивидуальности, на основе оппозиции свой – иной, а не чужой.

Изменение парадигмы глобальной власти одной страны-культуры на парадигму сосуществования многих равных локальных стран-культур предопределено и пониманием роли базисных доминант каждого государства-культуры в качестве границ восприятия тех или иных культурных феноменов, ценностей при их взаимодействии. До-

минанта ситуативности японского государства-культуры определила возможность восприятия ценностей технологического развития. Менталитет исламских государств-культур определяет невосприимчивость к ценностям демократии, американского образа жизни и т. п. Более того, насильственное внедрение некоторых западных ценностей воспринимается как попытка унижения национального достоинства, что приводит к адекватному ответу (ответ на рекламу Дольче и Габбана, в содержании которой явно прочитывалось ироничное отношение к китайским традициям, в виде отказа им в допуске на китайский рынок).

Тем самым существование пространства процветающих, свободно развивающихся и взаимодействующих государств-культур возможно только при условии актуализации доминанты собственного национального достоинства в форме культурной индивидуальности, в четком осознании ментальных доминант каждого государства-культуры как предела восприятия иного при их взаимодействии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Монтэ П. Египет Рамсесов. Повседневная жизнь египтян во времена великих фараонов. – М.: Наука, 1989. – 376 с.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
3. Элиаде М. Священное и мирское. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 143 с.
4. Малиновский Б. Научная теория культуры. – М.: ОГИ, 1999. – 208 с.
5. Корбюзье Л. Архитектура XX века. – М.: Прогресс, 1977. – 303 с.
6. Kokarevich M.N., Lankin V.G., Lysunets T.B. Confrontation and tolerance of cultures: pro and contra // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS). –2018. – V. 35: Research Paradigms Transformation in Social Sciences (RPTSS 2017). International Conference. – Tomsk, Russia, 18–21 May 2017. – P. 799–805.
7. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. – М.: Мысль, 1993. – 663 с.
8. Кребер А. Культура. Критический анализ концепций и дефиниций. – М.: Прогресс, 1992. – 278 с.
9. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постмодерну. – М.: Прогресс, 2000. – С. 427–457.
10. Кнабе Г.С. Строгость науки и безбрежность жизни // Вопросы философии. – 2001. – № 8. – С. 112–124.
11. Светлов В.А. Конфликт поколений как эволюционная проблема // Научные труды SWORLD. – 2016. – Т. 5. – № 3. – С. 4–7.
12. Кравченко О.А. Концептуализация модели научной коммуникации и процессах межкультурного взаимодействия (на примере БРИКС): дис. ... канд. филос. наук. – Курск, 2017. – 181 с.
13. Карасик В.Н. Языковая матрица культуры. – М.: Гнозис, 2013. – 320 с.
14. Архангельский А. Матрица русской культуры: Миф? Двигатель модернизации? Барьер? – М.: Совет по внешней и оборонной политике, 2012. – 216 с.
15. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
16. Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. – М.: АСТ, 2014. – 287 с.
17. Ильин И. О грядущем России. Избранные статьи. – М.: Воениздат, 1993. – 368 с.
18. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – 574 с.
19. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М.: АСТ, 2015. – 576 с.
20. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. – М.: Ленанд, 2020. – 304 с.
21. Бжезинский Зб. Еще один шанс. Три президента и кризис американской державы. – М.: Международные отношения, 2010. – 192 с.

Поступила 12.02.2022 г.

UDC 316.722:321

DOMINANT OF CULTURAL PERSONALITY AS A NORM OF THE STATES-CULTURES COEXISTENCE IN THE MODERN ERA

Maria N. Kokarevich,
kokarevich@mail.ru

Tomsk State University of Architecture and Building,
2, Solyanaya square, Tomsk, 634003, Russia

Maria N. Kokarevich, Dr. Sc., professor, head of the Department of Philosophy and History, Tomsk State University of Architecture and Building

Relevance. *The well-being of modern society presupposes the formation of a vector of tolerance in the cultural and historical space. Globalization processes in the modern cultural space carry the idea of unification, affirmation of the principles of cultural individualism «unifying» American cultural and state education. Such a challenge generates opposition, which is often manifested in conflict forms, which reinforces the search for mechanisms of complementary coexistence among States-cultures. **The article is aimed** to show irrelevance of the modern era of the idea of cultural individualism and the affirmation of the principles of coexistence of cultural states on the basis of the dominant cultural individuality. **Methodology:** historical-cultural and historical-philosophical approaches, methodology of interpretation and reconstruction of cultural phenomena as actualizations of mental core of this culture. According to the results of the study it was established that culture becomes not just an inherent aspect of all public education, but a determinant of the state and economic policy in the modern era, which means the emergence of the phenomenon of «state-culture». In this case, the dominant dignity inherent in each culture exists in the form of cultural individuality and cultural individualism inherent, in particular, in American cultural and public education. If the principle of cultural individuality presupposes the affirmation of the principles of uniqueness and self-worth of own cultural «I», then cultural individualism presupposes the formation of the concept of own exclusivity and hegemony. **Conclusion:** Complementary interaction and coexistence between States-cultures possible only if the dominant cultural identity of each State-culture entity is affirmed.*

Key words: State-culture, cultural individuality, cultural individualism, mental core of culture, dominance of self-worth.

REFERENCES

1. Monte P. *Egipet Ramsesov. Povsednevnyaya zhizn egiptyan vo vremena velikikh faraonov* [Egypt of the Ramesses. The daily life of the Egyptians in the time of the great Pharaohs]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 376 p.
2. Gadamer Kh.-G. *Istina i metod* [Truth and method]. Moscow, Progress Publ., 1988. 704 p.
3. Eliade M. *Svyashchennoe i mirskoe* [Sacred and profane]. Moscow, MGU Publ., 1994. 143 p.
4. Malinovskiy B. *Nauchnaya teoriya kultury* [Scientific theory of culture]. Moscow, OGI Publ., 1999. 208 p.
5. Korbyuze L. *Arkhitektura XX veka* [Architecture of the twentieth century]. Moscow, Progress Publ., 1977. 303 p.
6. Kokarevich M.N., Lankin V.G., Lysunets T.B. Confrontation and tolerance of cultures: pro and contra. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS)*, 2018. Vol. 35, Research Paradigms Transformation in Social Sciences (RPTSS 2017). *International Conference*. Tomsk, Russia, 18–21 May 2017. pp. 799–805.
7. Shpengler O. *Zakat Evropy. T. 1* [The Decline of Europe. Vol. 1]. Moscow, Mysl Publ., 1993. 663 p.
8. Kreber A. *Kultura. Kriticheskiy analiz kontseptsiy i definitsiy* [Culture. Critical analysis of concepts and definitions]. Moscow, Progress Publ., 1992. 278 p.

9. Kristeva Yu. Bakhtin, slovo, dialog i roman [Bakhtin, word, dialogue and novel]. *Frantsuzskaya semiotika: ot strukturalizma k postmodernu*. Moscow, Progress Publ., 2000. pp. 427–457.
10. Knabe G.S. Strogost nauki i bezbrezhnost zhizni [The rigor of science and the vastness of life]. *Voprosy filosofii*, 2001, no 8, pp. 112–124.
11. Svetlov V.A. Konflikt pokoleniy kak evolyutsionnaya problema [Generational conflict as an evolutionary problem]. *Nauchnye trudy SWORLD*, 2016, vol. 5, no. 3, pp. 4–7.
12. Kravchenko O.A. *Kontseptualizatsiya modeli nauchnoy kommunikatsii v protsessakh mezhkulturnogo vzaimodeystviya (na primere BRIKS)*. Dis. Kand. nauk [Conceptualization of the model of scientific communication in the processes of intercultural interaction (on the example of BRICS). Cand. Diss.]. Kursk, 2017. 181 p.
13. Karasik V.N. *Yazykovaya matritsa kultury* [Language matrix of culture]. Moscow, Gnozis Publ., 2013. 320 p.
14. Arkhangel'skiy A. *Matritsa russkoy kultury: Mif? Dvigatel modernizatsii? Barer?* [The matrix of Russian culture: a Myth? Upgrade engine? Barrier?]. Moscow, Sovet po vneshney i oboronnoy politike Publ., 2012. 216 p.
15. Hajdegger M. *Vremya i bytie: stati i vystupleniya* [Time and being: articles and speeches]. Moscow, Respublika Publ., 1993. 447 p.
16. Bzhezinskiy Z. *Strategicheskiy vzglyad: Amerika i globalny krizis* [Strategic vision: America and the crisis of global power]. Moscow, AST Publ., 2014. 287 p.
17. Ilin I. *O gryadushchem Rossii. Izbrannye stati* [About the future of Russia. Selected articles]. Moscow, Voenizdat Publ., 1993. 368 p.
18. Danilevskiy N.Ya. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 574 p.
19. Fukutsyama F. *Konets istorii i posledniy chelovek* [The end of the history and the last man]. Moscow, AST, 2015. 576 p.
20. Vallerstayn I. *Mirosistemny analiz. Vvedenie* [World system analysis. Introduction]. Moscow, Lenand Publ., 2020. 304 p.
21. Bzhezinskiy Zb. *Eshche odin shans. Tri prezidenta i krizis amerikanskoy derzhavy* [Second Chance. Three Presidents and the Crisis of American Superpower]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2010. 192 p.

Received: 12 February 2022.